

Источник: Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского Средневековья. - М.: 1987. С. 7-18.

Оригинал здесь: http://www.binetti.ru/collectio/history/dobiache-rozhdestvensky_2.shtml.

"Не было (в Галлии в конце римской эпохи) такого поселка, хотя бы из самых незначительных, который обходился бы без собственного большого орология. Отсюда - то значение, какое в средневековых городах получили улицы и кварталы "Орология", или "Большого орология". Подобные орологии имелись во всех частях города, в самых разнообразных местах, напр, в храмах. В поселках (bourgades) Галлии можно смело применить слова Плавта:

Oppletum est oppidum solariis... [1]
(Полон город солнечных часов...)"

Так характеризует в недавно вышедшем своем труде [2] галльский город и даже галльский поселок II-III вв. французский писатель Камил Жюллиан.

Если это действительно так, если о самых незначительных поселках Галлии можно утверждать то, что сказано было, да еще в настроении раздраженного преувеличения, о Вечном городе,- этот факт сам по себе давал бы очень высокую меру культуры галльских поселков. Представим себе, что в самом деле каждый из них наполнен солнечными часами и население привыкло жить по ним. Более или менее очевидно, что в таком случае эта практика - очень простая и заманчивая - могла и даже должна была бы передаться населению, которое сменило прежнее и в котором вместе с воинственными (или мирными) пришельцами чужих племен были налицо и собственные потомки галло-римлян. Опыт и искания многих веков могли понадобиться для того, чтобы додуматься до солнечного кадра. Раз существующий, он понятен всякому, и так как материально и по существу своей системы (каменный полукруг с делениями на нем и вертикальной, наклонной или горизонтальной палочкой, отбрасывающей тень) он был чем-то весьма мало хрупким, мало подвергался действию порчи или непонимания, то его совершенно легко и естественно могла унаследовать от галло-римской культуры та, которая пришла ей на смену, унаследовать, притом не только как традицию или идею, но как большинство конкретных, материальных предметов. Они могли сохраниться в своей первоначальной, более косной системе с расчетом как дня, так и ночи во всех климатах и во все времена года на 12 часов, так что дневные часы зимою бывали короче ночных, а летом - наоборот, и только в сроки равноденствий час получал устойчивую меру 1/24 части суток [3]. Но, во всяком случае, если бы солнечными часами были наполнены галльские поселки, то нет никаких причин, чтобы ими не были наполнены также и меровингские, бургундские, вестготские городки и деревни.

Однако формула Жюллиана с первых шагов вызывает сомнения и нуждается в ограничениях. Положение о наполненности города часами высказывает в комедии Плавта (цитируемой Авлом Геллием) жадный паразит, который желает всяческих бедствий тому, "кто установил часы, кто разбил день на части и поставил орологий... Мне единственным солярием служит желудок - лучший из указателей" [4]. В заключительном размышлении римского обжоры, по-видимому, высказана одна из ходячих, современных Плавту формул философии цивилизации: существо грубое, живущее элементарными вожделениями животной природы, не нуждается в строгом орудии высшей культуры, мериле труда и связанного с ним страдания.

Была ли привычной уже в век названного автора эта мысль, двинутая в ход, очевидно, недавним вступлением в общественный быт точного хронологического измерителя, или она стала ходячей с его легкой руки? Во всяком случае, замечательно, что 3,5 века спустя после эпохи Авла Геллия в несколько более сильных выражениях ту же мысль - пером своего секретаря Кассиодора - высказывает король Теодорих Остготский в письме к бургундскому королю Гундовальду, которому он посылает в подарок пару часов: "Смутно проходит круговорот жизни, если неизвестно точное средство ее расчленения. Обычай скотины - чувствовать часы по алканию голодного брюха. Человеку свойственно искать для своего быта верного и твердого указателя" [5]. Навряд ли имея в виду намекнуть уподоблением живущей